

Голубцов Сергей, протодиак. С тобой я сердцем — в Кадашах: Прот. Илья Громогласов [20-07.1869–4.12.1937] // Богословский вестник 1998. [Т. 2.] Вып. 1. С. 132–157.

Протоиерей Сергей Голубцов
С ТОБОЙ Я СЕРДЦЕМ – В КАДАШАХ
ПРОТОИЕРЕЙ ИЛЬЯ ГРОМОГЛАСОВ
(20.VII.1869 – 1937.4.XII)

Илья Михайлович Громогласов, ставший в 1922 году священником и настоятелем Кадашевского храма, а в скором времени и страстотерпцем Русской Церкви, на рубеже XX века был одной из колоритных фигур среди профессоров дореволюционной Московской Духовной Академии.

Родился он в семье диакона Михаила Громогласова в селе Ермиши Темниковского уезда Тамбовской губернии. По преданию, фамилию Громогласовых получили три брата-семинариста от своего начальства за громкий голос. О семье и ранних годах жизни Ильи Михайловича не дошло почти никаких сведений, (Громогласов детей не имел), если не считать нескольких фраз из его Последнего слова, произнесенного им перед вынесением ему приговора на втором процессе по делу церковников в конце 1922 года: *«Я родился в семье бедного дьячка бедного села, и эта бедность граничила с нищетой. Мне пришлось (написано: приходилось – С.Г.) свое детство провести с детьми гвоздяников близлежащего гвоздильного завода. Когда я подрос, меня отец повез в школу, оставил меня там и дал на весь учебный сезон шесть гривен медью, а у него осталось два медных пятака на дорогу. С 14 лет я стоял на своих ногах, а (с) 20 лет я содержал вдову-мать, сестер и детишек, сидя на студенческой скамье...»*. По окончании Шацкого духовного училища и Тамбовской семинарии в 1889 году он был

направлен на учебу в Академию. К этому времени отца уже не было в живых, как следует из личного дела Громогласова по Академии.

Кандидатское сочинение, удостоенное академической премии митрополита Иосифа, Громогласов писал на тему «Следует ли совершать священнодействие брака над лицами, обращающимися из раскола и жившими до обращения в супружестве? (Опыт решения вопроса на догматико-канонической основе)». Выбор темы определялся необходимостью разрешить часто встречавшиеся в церковной практике недоумения и противоречия в суждениях по этому вопросу. На поставленный в заглавии сочинения вопрос автор дал отрицательный ответ. В процессе исследования он установил, что, во-первых, до IX века в Церкви существовала древнеримская форма заключения брака, а строго церковная стала господствовать лишь после IX века; и, во-вторых, что «в собственном смысле совершителем таинства брака (как и всех других таинств) является Бог («еже Бог сочета...»), а в несобственном смысле тот, кто создает необходимые условия действия таинственной благодати (материю и форму таинства), то есть сами брачующиеся». Используя значительный по объему материал, автор показывает, что Церковь в течение многих столетий считала гражданский брак, заключающийся с согласия брачующихся, сакраментальным, хотя и признавала необходимым благословение его Церковью. Далее он показывает, как исторически, с развитием богословской мысли, происходило становление акта церковного благословения как «внешнего знака внутреннего благодатного освящения». Автор приходит к выводу, что «нельзя считать догматически-существенным и безусловно-необходимым то, что в одно время не существовало, а потом начало существовать». Между тем, так именно и было с церковным чином бракосочетания, который явился плодом довольно длинного процесса литургической деятельности Церкви, причем первоначально имел совсем иной характер. Рецензировавший кандидатское сочинение профессор Н.А. Заозерский

отметил весьма широкое и глубокое содержание, свидетельствующее не только о таланте, но и об отменном усердии автора, «с которым можно по отдельным вопросам, может быть, и спорить, но в целом нужно согласиться».

И.М.Громогласов. Начало 900-х гг.

На 1893-94 учебный год И.М.Громогласов был оставлен стипендиатом по кафедре Церковного права и, согласно его прошению, допущен к слушанию лекций по юридическим наукам в Московском университете. 16 июля 1894 года он подал прошение о назначении его на освободившееся место преподавателя латинского языка в Московскую духовную семинарию, либо «по богословским или историческим наукам в один из университетских городов Европейской России», что мотивировал характером своих научных занятий. Вскоре поступил было указ из Канцелярии Обер-Прокурора о назначении Громогласова преподавателем обличительного богословия и

расколоведения в Пензенскую духовную семинарию, но Илья Михайлович был принят Советом Московской Духовной Академии в штат преподавателей по кафедре Истории раскола, что и было оформлено приказом 18 января 1895 года, определявшим его *исправляющим должность доцента*, как тогда именовались доценты, не имевшие магистерской степени.

С начала 1899 года Громогласов преподает по совместительству отечественную историю и другие общеобразовательные предметы в частной торговой школе П. и В. Кузьминых на Волхонке, с 1900 по 1910 год состоит еще и лектором английского языка в той же Академии.

В 1902 году происходит важное событие в личной жизни Ильи Михайловича: 7 января в домашней церкви князя Голицына на Волхонке (против храма Христа Спасителя) он обвенчался с Лидией Николаевной Дуловой¹, дочерью князя Николая Федоровича Дулова и его супруги Александры Юрьевны, урожденной Зограф, способной ученицы Рубинштейна. Таким образом Илья Михайлович поневоле приобщился к кругам московской интеллигенции.

XX век И.М.Громогласов встречает уже как опытный преподаватель, не замыкающийся лишь в кругу академических лекций. Он становится совладельцем торговой школы Кузьминых, преподает в ряде гимназий.

По воспоминаниям бывшего студента Академии Д.А.Маркова, это был не только даровитый человек и ученый, но и прекрасный лектор, напоминавший своей манерой чтения тогдашнего кумира студентов В.О.Ключевского, с которым был близок по своим церковно-политическим взглядам.

В 1906 году в «Богословском вестнике» Громогласов помещает статью «Бастилия духа», посвященную острой проблеме русской духовной школы, занимавшей консервативные позиции, весьма далекие от запросов жизни. Статья появилась в результате анализа сборника «Духовная школа» (М., 1906 г.), в составе которого были и статьи другого профессора МДА – П.В.Тихо-

мирова «Философия в духовной семинарии» и «О духовных академиях».

Громогласов свидетельствует, что при чтении сборника два слова — «безумие» и «ужас» — стояли в его сознании от нарисованной картины, ибо это духовная школа изжила сама себя. Во-первых, потому, что гналась «за двумя зайцами»: подготовить пастырей и дать детям духовенства общее образование. Во-вторых, потому, что оставалась по-прежнему сословной, особенно после циркуляра 1900 года (по духовному ведомству), согласно которому из иных сословий в духовные училища принимались не более 10% учеников при условии наличия вакантных мест после приема лиц из духовного звания.

В 1906 году Громогласов публикует в «Московском еженедельнике» (№ 5) статью «Наше общественно-политическое обновление и современные задачи Церкви...», которая ясно показывает, какие, прямо скажем, революционные настроения вызывало бесправное положение Церкви и недостатки в ее внутренней жизни у передовых церковных деятелей того времени. В частности, автор пишет, что *«...и среди лиц, не утративших связей с Церковью, чувство тревоги за будущее нередко берет перевес над уверенностью в способности официальных руководителей нашей церковной жизни удержаться на желаемой высоте, ... что церковь в лице своей правящей иерархии, ... не смогла поднять протестующего голоса даже и тогда, когда самодержавие в лице императора Петра I посягнуло на ее внутренний строй».*

В другой статье («Московский еженедельник», 1906, № 10) Громогласов обвинил в бездушии члена Государственного Совета, архиепископа (впоследствии митрополита) Антония (Храповицкого), выступившего против амнистии по отношению к участникам политического движения и заявившего, что *«если бы в тюрьме или ссылке томился бы мой брат или сын, то и в таком случае высказался бы против амнистии».* Эти выступления Громогласова, как увидим, не остались в дальнейшем без неблагоприятных для него (Громогласова) последствий.

В это же время Илья Михайлович пишет свою магистерскую работу «Определения брака в Кормчей и значения их...», которая представляет собой анализ бракоопределяющей формулы Модестина в 48 главе Кормчей. Работа состоит из трех глав, заключения и перечня источников. В первой главе автор комментирует слова формулы «брак – *conjunctio maris et feminae*», во второй – слова: «*consortium omnis vitae*» и в третьей – слова: «брак – *divini et humani juris communicatio*».*

Рецензент, профессор Н.А.Заозерский, на Совете 15 октября 1908 года отметил следующие черты, характеризующие эту работу: 1) полноту и широту объяснений и раскрытия понятий и соответствующих им терминов, так же как и их историческое развитие; 2) ясность, юридическую точность и основательность; 3) широту эрудиции; 4) тщательность внешней отделки. Другой рецензент, И.Д.Андреев, отметил актуальность работы в связи с назревавшей реформой Церкви. Даже такой строгий судья, как архиепископ Антоний (Храповицкий), подчеркнул наличие достоинств, достаточных для присуждения искомой степени, а отрицательный отзыв профессора П.В.Гидулянова он назвал жестоким и издевательским. Высоко оценил диссертацию Громогласова и епископ Никодим (Милаш), известный сербский церковный канонист.

23 октября 1908 года Совет Академии единогласно признал И.М.Громогласова достойным степени **магистра богословия**, а его работа, хотя и не без трений, была удостоена академической премии митрополита Макария.

В апреле 1909 года он был назначен доцентом, а в декабре – экстраординарным профессором по той же кафедре Истории и обличения русского раскола.

За период 1900-1910 гг. И.М.Громогласов опубликовал несколько статей, касающихся старообрядчества², и обзоров литературы по сектоведению, ряд работ

*Т.е. «Брак - супружеский союз мужчины и женщины, соглашение на всю жизнь, брак - сочетание божественного и человеческого права».

церковно-публицистического характера, которые были напечатаны в газете «Голос Москвы»³, в «Московском еженедельнике», а также несколько рецензий, заметок и статей в энциклопедиях.

Осенью 1910 года на одном из заседаний Совета Академии заслуженный профессор Н.А. Заозерский, ушедший из Академии за штат по выслуге лет, предложил кандидатуру Громогласова в качестве своего преемника по кафедре Церковного права. Однако новый (с августа 1909 года) ректор Академии епископ Феодор, совершенно не терпевший в подчиненных независимых взглядов, особенно в политической области, резко восстал против него, выдвинув на вакантную кафедру своего кандидата, со стороны, вопреки академической традиции, — Н.Д. Кузнецова, назначения которого он и добился при поддержке Московского митрополита Владимира после того, как Громогласов был им представлен (на основе опубликованных им еще в 1906 году статей) *политически неблагонадежным*.

16 мая 1911 года Громогласов был вынужден покинуть стены Академии⁴, получив, согласно ст. 528 Устава о пенсиях, единовременное пособие в размере 1600 руб. — годового оклада пенсии э.о. профессора Академии за 25 лет службы.

По увольнении из Академии Илья Михайлович некоторое время продолжал⁵ состоять инспектором Мариинского женского училища (с февраля 1909 года), а с августа 1912 года, когда его уволили и оттуда, поступил на службу в Московскую городскую управу в качестве заведующего городскими училищами и сотрудничал в Московском обществе по устройению публичных чтений.

В то же время Илья Михайлович готовился поступить преподавателем церковного права в Московский университет, штудирова различные пособия по юридическим наукам.

В 1914 году с разрешения министра народного просвещения он был допущен экстерном к сдаче экзаменов в Юридической испытательной комиссии при Москов-

ском университете и удостоен звания кандидата юридических наук с дипломом I-й степени (магистранта), а в мае 1916 года там же выдержал устные испытания по церковному и государственному праву на степень магистра церковного права.

К этому времени Илья Михайлович был автором целого ряда работ в области юридических знаний⁶, не считая критико-библиографических и публицистических статей в «Богословском вестнике», «Московском еженедельнике», «Голосе Москвы» и в других периодических изданиях, а также редактором и издателем Курса церковного права А.С.Попова.

Громогласов фундаментально подготовился к преподавательской деятельности на новом поприще, которую он начал в частной женской гимназии (с 1915/16 уч.г.), затем, с 1 ноября 1916 года, — на Высших женских юридических курсах В.А.Полторацкой и одновременно на юридическом факультете Московского университета, где ему пришлось предварительно прочесть две пробные лекции (по собственному выбору) на звание приват-доцента: «Отношение старообрядчества к русскому правительству» и «Смешанные браки».

С весеннего семестра 1917 года ему было предоставлено право вести на факультете практические занятия по истории церковно-государственных отношений в России.

Громогласов вел и обширную практическую деятельность в качестве юриста, о чем он скажет в одной из своих речей, но уже в качестве подсудимого на процессе 1922 года (см. ниже).

Надо сказать, что И.М.Громогласов, как очень деятельный и энергичный по натуре человек, входил в разное время в целый ряд научных обществ. Еще в начале века он состоял в Педагогическом обществе, затем в Историческом обществе, в Императорском археологическом (примерно с 1916 года) и в Русском библиографическом обществе (все — при Московском университете). В 1911 году стал членом Археологического общества при Историческом музее.

Деятельность И.М.Громогласова в Университете на должности приват-доцента, а вскоре и сверхштатного профессора, продолжалась до июля 1921 года, когда ему в связи с новой идеологией было предложено покинуть это учебное заведение.

В 1917 году, после увольнения ректора Московской Духовной Академии епископа Феодора, Совет МДА потребовал возвращения Громогласова в Академию; формально он был восстановлен в прежнем звании (сверхштатным профессором), но читал лекции лишь осенью 1918 года, заменяя болевшего проф. А.И.Алмазова. Штатным же был избран 21 апреля/4 мая 1920 года и преподавал, вероятно, до 1922 года.

1917 год открыл было широкое поле деятельности для Ильи Михайловича, страстного поборника церковной свободы. Он один из активных участников Московского епархиального съезда в 1917 году, на котором 21 марта был избран в Совет (из 12 человек) при Управляющем Московской епархией, временно исполняющим обязанности которого вскоре был назначен викарный епископ Дмитровский Иоасаф (б.Ново-Георгиевский).

Первое собрание организационной комиссии Епархиального съезда состоялось 6 апреля. Профессору Громогласову было предложено подготовить доклад о порядке избрания епископов в древней Церкви. Этот доклад был прочитан 12 апреля на втором собрании.

Святейший Синод своим определением от 25 мая 1917 года включил Громогласова в список из восемнадцати лиц⁷, приглашенных в состав Предсоборного Совета⁸ в добавление к синодальным и семи выборным архиереям и делегатам от Всероссийского съезда духовенства и мирян. Здесь Илья Михайлович неоднократно выступал с докладами.

Как член Предсоборного Совета., он, как и Н.Д.Кузнецов, был включен и утвержден Святейшим Синодом членом предстоящего Собора, куда были делегированы и профессора МДА – С.С.Глаголев, Ф.М.Россейкин и А.И.Покровский.

Летом 1917 года Громогласов участвует во Всероссийском съезде православного духовенства и мирян, где избирается председателем секции по церковному управлению. 11 июня в этой секции он выступил с докладом⁹ о проекте реформ церковного управления, а 16 августа произнес речь на открытии Всероссийского Поместного Собора в храме Христа Спасителя с пожеланием Собору «принять каноны в духе и силе канонов древней Церкви, дабы в них не вкрадывалась мирская надменность». В это время, когда еще не был решен вопрос о том, быть или не быть патриаршеству в России, Илья Михайлович, как и многие из профессоров духовных Академий, выступал за соборное, Синодальное, управление Церковью. В своем выступлении на заседании Собора 25 октября ст. ст. 1917 года Громогласов, в основном, остановился на противоречивости и несоответствии историческим фактам формулы, определяющей власть Патриарха: первый среди равных. На ряде исторических примеров он показал, что на деле Патриарх имеет значительно большую власть, чем архиерей или даже Собор, и поэтому, приведя слова митрополита Филарета, что «император Петр создал Коллегию, но Промысел Божий и милость Божия превратили ее в Святейший Синод», предложил отложить вопрос о патриаршестве¹⁰.

На Соборе было несколько выступлений Ильи Михайловича. В частности, как отметил Д.В.Поспеловский¹¹, он сделал доклад о желательности восстановить древнецерковный институт диаконисс.

Он сообщил, что их рукополагал епископ, возлагая на их шею орарь и препоясывая крестообразно... Во время причащения диаконисса приступала к чаше сразу после диакона, а по окончании причащения епископ передавал ей Чашу, и она ставила ее на Св. Престол. Громогласов указал, что есть 69-е правило VI Вселенского Собора, запрещающее вход в алтарь вообще мирянам (практика же оказалась другой), но нет правила, запрещающего вход в алтарь женщинам, и что диаконисса официально считалась членом клира. Тем не менее, буквально на

последнем заседании Собора, 7/20 сентября 1918 года, было принято компромиссное решение, предоставлявшее женщинам, сверх занятия должностей церковных старост и членов приходских собраний, права участвовать в благотворительных и епархиальных собраниях, во всех благотворительных, просветительных, церковно-хозяйственных и миссионерских учреждениях и лишь в исключительных случаях допускать к исполнению должности псаломщика со всеми его правами и обязанностями, но без включения в клир. Восстановление же чина диаконисс было отложено на последующую сессию Собора, которая не смогла иметь места из-за политической обстановки.

В декабре 1917 года Собор избрал Громогласова в Высший Церковный Совет (от мирян). Его членом Илья Михайлович был несколько лет при Патриархе Тихоне, с которым весьма сблизился. 17 января 1918 года на Собрании Союза духовенства и мирян (созданного в июне 1917 года Всероссийским съездом духовенства и мирян, где Громогласов играл значительную роль) он вновь был включен в члены Совета этого Союза. В июне 1918 года Илья Михайлович вошел в состав корпорации преподавателей Православной Народной Академии, открывшейся при Московском епархиальном доме, как профессор церковного права древней Церкви, где и преподавал, по видимому, до 1922 года.

Часто он выступал и с публичными лекциями как член Общества любителей духовного просвещения¹¹.

12 августа 1921 года, вероятно ст.ст. (по данным из богослужебного дневника Св. Патриарха Тихона), И.М.Громогласов был рукоположен в сан диакона, а 20 февраля 1920 года – во иерея также Святейшим Патриархом Тихоном, и некоторое время служил под руководством о.Сергия Ермонского¹² в храме св.Антипы на Волхонке, где до этого был прихожанином. Вскоре он был переведен в известный в Москве храм святителя Николая (он же – Воскресения) в Кадашах¹³, настоятель которого, очень популярный в народе о. Николай Смирнов, ввел в храме общенародное пение и организовал при

храме сестричество. После смерти о.Николая, скончавшегося 1 июня ст.ст. 1922 года, в Кадаши был назначен священником о.Димитрий Корнеев, бывший миссионер, а настоятелем храма стал о.Илья Громогласов, служивший на втором ярусе двухэтажного храма (окормляя общину сестер). По воспоминаниям одной из сестер (Евдокии), о.Илья скоро стал душой храма, с которым он и сам сроднился. Однако служить ему пришлось недолго.

В марте 1922 года атеистическое Правительство во главе с Лениным начало яростную борьбу с Церковью, с каковой целью был издан декрет об изъятии церковных ценностей под предлогом оказания помощи голодающим Поволжья. Кампания по изъятию имела целью спровоцировать народ и духовенство на оказание сопротивления, что давало бы повод применять к ним статьи Уголовного кодекса о сопротивлении властям и контрреволюции. В недавно опубликованной записке зампреда ГПУ И.С.Уншлихта от 20 марта 1922 года прямо сказано: «Патриарх Тихон и окружающая его свора высших иерархов, членов Синода в лице: Громогласова, протоиерея Хотовицкого (неофициальный член Синода), митрополита Никандра (Феноменова), епископа Серафима, профессора богословия Лапина и других в противовес декрета ВЦИК от 26/II 1922 об изъятии церковных ценностей ведут определенную контрреволюционную борьбу и ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей...». Далее в записке Уншлихт предлагал арестовать Патриарха и Синод, а всех «попов и церковников, резко выступающих против изъятия», выслать в самые голодные губернии, где их «афишировать, ...как врагов народа».¹⁴

Нагло проводимая кампания не могла не вызвать возмущения православных людей и дать в руки ГПУ и НКВД нужное количество жертв, над которыми в Москве было организовано в 1922 году два показательных судилища, известных под названием «процессов церковников». Первый из них прошел в апреле - мае над

50-ю лицами, из которых 11 были приговорены к высшей мере, приведенной в исполнении по отношению к пятерым из них, что вызвало резкий резонанс во всем мире, и видимо отразилось на том, что на втором процессе не было вынесено смертных приговоров.

Второй судебный процесс прошел в ноябре - декабре над 116 лицами, хотя почти все они были арестованы еще в марте - апреле; среди них был и священник Илья Громогласов. Правда, он не был там центральной фигурой, но входил в круг лиц, связанных с ключарем Храма Христа Спасителя протоиереем Александром Хотовицким, которого власти обвинили в организации сопротивления изъятию церковных ценностей, поскольку он у себя на квартире провел несколько собраний своих собратьев по храму, где было зачитано и послание Патриарха Тихона от 15/28 февраля 1922 по поводу предстоявшего изъятия.

Из других ключевых фигур, проходивших на процессе, упомянем только благочинного 2-го отделения Пречистенского сорока престарелого, почти 70-летнего настоятеля Спасопесковского храма на Арбате Сергея Васильевича Успенского, настоятельницу Новодевичьего монастыря игумению Надежду Павловну Побединскую и проф.-протоиерея Петровского Сельскохоз. Института Иоанна Артоболевского.

В своих «объяснениях в свое оправдание», даваемых следователю, видимо, в августе - сентябре, о. Сергей Успенский, в частности, заявил, что в составлении протеста (Патриарха — С.Г.)* он участия не принимал, что воззвание Патриарха не окончено, и в нем необходимо указать, что изъятие церковных ценностей является допустимым... Что же касается священных предметов, то, по канонам, он должен перед сдачей «пережечь и обмыть их». Протоиерей Артоболевский признал, что «воззвание Патриарха действительно оглашал, по просьбе прихожан, но говорить что-либо по его содержанию — не говорил. С той частью воззвания, которая

* Далее в круглых скобках помещены наши ремарки и необходимые поправки.

говорит об отлучении (от) Церкви и низвержении из сана, он не согласен, т.к. эта мера могла быть применима в Древней Церкви... Исследованием вопроса, правильно ли Патриарх Тихон сослался на каноны, он не занимался».

Священник Громогласов заявил, что он «состоял членом Высшего Церковного Совета. О происхождении послания... не знает и оно (там) не обсуждалось... Никакого участия в выработке этого послания он не принимал. На собрании у священника Хотовицкого был два раза по его же, Хотовицкого, приглашению... Он (Громогласов) только высказал свой взгляд и указал собранию, что юридически Советская власть может изъять ценности и дать им другое назначение. (Такова же была позиция и Н.Д.Кузнецова, бывавшего на собраниях у Хотовицкого и однажды вызванного на допрос, но не арестованного, как видно из используемого здесь следственного дела № 690 Московского Рев. Трибунала за 1922 год – С.Г.)

По его (Громогласова) мнению, здесь мог возникнуть вопрос об отношении к этому акту духовенства и верующих, вопрос... о том, как будет воспринят этот, формально правомерный акт, религиозным сознанием и чувством верующих, (поскольку) священные предметы (чаши, диски) по религиозно-нравственному чувству верующих (и) по прямому определению церковных канон, не могут быть изъяты для личного, житейского употребления, но история знает (случай), когда и эти предметы брались для выкупа пленных, на нужды голодающих и т.д., причем христианская совесть, по его мнению, этим не может смущаться, – была бы твердая уверенность в том, что отчуждение совершается именно для этой цели... (для чего) он полагал бы необходимым участие церковного представительства в фактическом направлении церковных ценностей на дело помощи голодающим.

На тех совещаниях, на которых он присутствовал, резолюции никакой не было выработано, и что было после – он не знает. Хотовицкий высказал пожелание –

просить Патриарха обратиться к власти и ходатайствовать об установлении какой-нибудь формы участия церковного представительства в фактическом использовании церковных ценностей... Что же высказывали другие присутствовавшие на этих собраниях, он не знает» [ссылка на л. д. 480-482, 494-495 т. 2-й].

На публичных судебных заседаниях Моск. Ревтрибунала, начавшихся 27 ноября того же года, И.М.Громогласов, как и подавляющее число других подсудимых, не признал себя виновным. В частности, говоря о собрании у Хотовицкого, он добавил: «речь о поругании Церкви заведена не мною, но а кем — не помню. Я, в свою очередь, говорил, что не мешало бы обратиться во ВЦИК о прекращении травли (Церкви) и что это необходимо тем более, что при изъятии необходимо сотрудничество. Из уст Хотовицкого я никогда не слышал грубых слов против власти. Оба собрания носили неофициальный характер... Думаю, что Патриарх Тихон подписывал свое воззвание по убеждению своей совести...».[с.17/931].

На одном из последующих заседаний, его защитник, Коммодов, представил к делу две статьи Громогласова, написанные в 1905-1906 годах: «Освободительное движение и свободная Церковь» и «Прискорбное молчание». Прокурор Вышинский возражал, поскольку они не имели непосредственного отношения к делу. Громогласов же настаивал на их приобщении, «как на единственном средстве защиты». Трибунал постановил не приобщать их к делу, но дать возможность защите сослаться на них [с. 48/946].

На заседании 6 декабря один из подсудимых, прот. Михаил Славский заявил, что «изъятие церковных сосудов, по его мнению, не является актом святотатства». Священник Громогласов добавил: «Запрещений послание Тихона об изъятии церковных ценностей не содержит. По возванию, выпущенному Патриархом Тихоном, я не усматриваю в самом Тихоне преступника, а воззвание его я считаю запутанным».¹⁵

В последовавшей после этого обвинительной речи прокурора Вышинского прозвучало требование высшей меры наказания подсудимым А. Хотовицкому, С. Успенскому, Н. Побединской, М.Славскому, И.Громогласову и ряду других лиц. Артоболовскому, у которого на иждивении были еще дети и его умершего брата, Вышинский просил дать три года заключения. Несомненно, большое нервное потрясение вызвало это кровожадное требование гос. обвинителя. После речей защитников 11 декабря подсудимым было предоставлено последнее слово перед приговором. Одни из них были кратки в своих словах и по разным мотивам просили о снисхождении, многие отказались вообще говорить, в т.ч. и игуменья Новодевичьего монастыря. Что касается профессора Громогласова, то по отношению к нему, с юридической точки зрения считавшему декрет сов.власти законным, требование Вышинского было особенно чудовищно несправедливым, и было вызвано очевидно желанием ОГПУ нанести наиболее ощутимый удар по Патриарху Тихону и его ближайшему окружению, что мы видим и в вышеприведенном требовании Уншлихта.

В отличие от большинства подсудимых Громогласов произнес весьма большую речь, которая интересна и тем, что в ней он коснулся некоторых моментов своей жизни и деятельности, неизвестных нам. Мы уже цитировали из нее фрагмент о его происхождении из бедного духовенства. К сожалению, эта речь была либо записана малокавалифицированным стенографистом, либо перепечатана крайне небрежно, т.к. она содержит много искажений, пропусков и орфографических ошибок.¹⁶ Приводим ее наиболее интересные фрагменты, для согласования в скобках вставляя свои слова или ремарки и делая необходимые замечания.

«...В то время (когда началась реакция против освободительного движения – 1907/8 г. – С.Г.) в Синоде был тот Антоний Храповицкий, который является ныншним представителем зарубежного Карловицкого Собора, членом коего сопричисляет и меня Государствен-

ный обвинитель. Что же у меня может быть общего с такими людьми? ... В Синоде начал обсуждаться вопрос о моем еретичестве, о неправославии, и этот вопрос повел в особенности Антоний Храповицкий, ссылаясь на мое сотрудничество с Н. Д. Кузнецовым, который был в то время удален, а я кое-как продержался еще два года.¹⁷ В то время мне хотелось занять кафедру церковного права в Академии, и вот в связи с этим был издан указ о том, (что) можно меня будет допустить, т.к. я буду обсуждать живые (животрепещущие – С.Г.) вопросы, и они решили, что это недопустимо, и в результате был издан указ об удалении (меня) из Академии, как врага Церкви... Я решил окончить юридический факультет Московского университета. В 1914 г. я получил на это (? – об этом) диплом, который дал мне возможность стать приват-доцентом... по государственному праву. Далее я зачислился в корпорацию присяжных поверенных и как помощник (присяжного поверенного) стал выступать в процессах сектантов. Процесс трезвенников вынесен на моих плечах, которых обвиняли в хлыстовщине (стиль явно не профессорский!). В 1916 г. я участвовал в Рязанском процессе скопцов. Участвовал (и) в процессе 42 толстовцев (выступавших) за антимилиитаристические идеи и за отказ от военной службы, и может, благодаря меня (! мне) не (! ни) одна голова уцелела у них на плечах. Весь 17-й год я продолжаю работать, читая лекции в университете, и, в конце концов, исполнилось мое желание – ради чего я работал всю жизнь, это допущение гражданского брака... Мне ничего не было известно о (якобы)¹⁸ преступной организации, во главе которой стоял Хотовицкий. Действительно, я был на квартире Хотовицкого дважды. Меня приглашали разрешить вопрос о допустимости или недопустимости с юридической и канонической точек зрения изъятия церковных ценностей. Я не член Совета Храма Христа Спасителя и не член Братства (этого храма). У Хотовицкого сидел и молчал священник Гумилевский, сидел, но не молчал Кузнецов, но их нет на скамье подсуди-

мых.¹⁹ Я говорил, что юридическая сторона ясна и изъятие бесспорно, что каноны как-будто бы и говорят против изъятия евхаристических предметов, но вековая церковная практика перед таким общественным событием не допускает возможности приостановки. В той церкви, где я состою священником, при изъятии церковных ценностей ничего абсолютно не произошло. Единственная риза чтимой иконы была оставлена за соответствующий эквивалент металлом. Подтвердить мое участие в упомянутых выше мною процессах мог бы бывший Управделами Совнаркома Бонч-Бруевич, о вызове которого я ходатайствовал в моем заявлении. Прошу у Трибунала, если будет какое-либо сомнение в моей виновности (! невинности), истолковать (что ?) в мою пользу меня (!) как обвиняемого (!), если же данные дела настолько убедительны, то я по примеру (приговору ?) гос. обвинителя прошу у высокого Трибунала о снисхождении и милосердии. Тяжело умирать, но и тяжело жить бревном (?), будучи оторванным от любимого дела. Будьте великодушны и милосердны.» [с. 61-63/ 953-954].

Наглые и произвольные обвинения Вышинского нашли отповедь в речах подсудимых Щепкина (б. министра Внутренних дел) и Перцева, входивших в окружение Хотовицкого. Первый из них, в частности, сказал: «Из речи гос. обвинителя я почувствовал, что сужусь не за настоящие (якобы) преступные дела, которые мне инкриминируются, а за мое политическое прошлое. Обвинитель представил целый ряд таких фактов, по которым он меня не спрашивал во время следствия... То Временное Правительство, в коем я участвовал, было создано вовсе не банкирами, (а) при непосредственном участии большевиков... Прокурор указывал на какие-то смычки зарубежной контрреволюции, но доказательства смычек нет, и никогда их быть не может...» Второй прямо заявил: «...я считаю за честь сидеть между такими людьми, как Щепкин и Хотовицкий... Я удивляюсь, на каком фундаменте

государственный обвинитель строит мою связь с за-
границей...»

Наконец, этот судебный фарс 13 декабря был за-
кончен и были вынесены приговоры. Наиболее суровые,
в 10 лет тюрьмы с конфискацией имущества и пора-
жением в гражданских правах на 5 лет, получили прот.
А.Хотовицкий, прот. С.В.Успенский, игуменья Побе-
динская и некоторые лица, с ними связанные, по статьям
62 и 119 УК.

В отношении Громогласова в приговоре было «уста-
новлено, что он, будучи приглашен Хотовицким на со-
брание в качестве эксперта и зная, что это собрание
должно будет выработать тезисы враждебного отно-
шения к декрету ВЦИК об изъятии для отставания
их на собрания, тем не менее, пошел на это собрание к
Хотовицкому и не только не предотвратил его пов-
торение, но сам вновь принял участие...» В итоге, Три-
бунал по ст.68 УК приговорил его к лишению свободы всего
на полтора года и поражению в правах на год. Но по объ-
явленной тут же амнистии по всем статьям, кроме 62-й,
сроки были сокращены, Громогласову — до одного года,
Артоболевскому — до двух лет, а с учетом предварительного
тюремного заключения, Громогласову оставалось отсидеть
всего около 4 месяцев. Возможно, его выпустили еще рань-
ше, в силу какой-либо амнистии или кассационного решения.
В частности, прот. Сергея Успенского Президиум ВЦИК
освободил по преклонности лет уже 16 февраля 1923 года,
но оставил в силе приговор Хотовицкому и др. Однако, не
позже октября того же года и Хотовицкий был освобожден,
но только видимо для того, чтобы по проискам известного
Тучкова быть арестованным снова в сентябре следующего
года. То же было уготовано и Громогласову, но еще рань-
ше.²⁰ По обвинению в принадлежности к какой-то, навер-
няка мифической, контрреволюционной организации, он
был арестован 8 марта 1924 года. Но, видимо, вскоре он
был выпущен, о чем говорит дата «16 июня 1924 г.», про-
ставленная на групповой фотографии Громогласова и сес-
тричества на фоне Кадашевского храма.

25 марта (7 апреля) 1925 года скончался первосвященитель Русской Церкви Святейший Патриарх Тихон. Над его гробом сказал слово и его верный сподвижник, профессор-протоиерей Илья Громогласов: «...Личная печаль о Великом Господине и Отце нашем святейшем Тихоне умеряется нашей верой, что упокоит Господь верного служителя Своего в селениях праведных. За загробную участь святейшего отца нашего патриарха Тихона мы не беспокоимся. Мы верим и знаем, что он, как непостыдный делатель Церкви, будет стоять пред престолом Всевышняго и ходатайствовать воздыханиями неизглаголанными о Церкви Русской, ангелом которой он был среди нас. И мы верим, что Господь смилуется над Русской Православной Церковью по молитвам святейшего отца нашего патриарха Тихона...»

Близость к Патриарху не прошла даром о.Илье в период яростного атеистического наступления²¹. Примерно через месяц после своей речи он вновь лишился свободы, уже в третий раз, и вскоре был выслан в Сургут²² на три года²³, а отбив ссылку в суровых краях и получив «минус шесть», поселился в Твери. Об этом периоде его жизни до нас дошли очень скудные, хотя и восторженные воспоминания о нем от Марии Алексеевны Благовещенской, чей брат ходил к Илье Михайловичу повышать свои богословские знания. Он был покорен духовным обаянием и эрудицией этого профессора и служителя Церкви. Илья Михайлович часто бывал и в доме ее дяди, который был репрессирован и умер в ссылке. По воспоминаниям этих родственников, Илья Михайлович «...был изумительным проповедником. Обладал глубокими познаниями в богословии, логикой мышления, философским складом ума, одухотворенностью в вере, имел талант донести все это в доступной форме до слушателей, знал 12 языков. Им восхищались даже атеисты. Все, кто имел хотя бы небольшое знакомство с ним, не могли его забыть. Когда он говорил, невозможно было не слушать его. Это была ни с чем несравнимая духовная радость. Внешне он был не очень видным, не-

большого роста, с бородкой, в очках; держался скромно, мог мягко пошутить и быть в меру веселым.» (Из письма Благовещенской автору).

Пришел страшный 1937 год, год повальных арестов и казней. 2 ноября у него были произведены обыск и арест. 2 декабря «Тройка» НКВД приговорила его к высшей мере наказания, и он был расстрелян в самый день праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.²⁴

Его супруга, по словам той же М. Благовещенской, оставалась жить в Твери до начала войны, кажется, переехав на улицу Крылова, что рядом с улицей Медникова, где они раньше жили. В начале войны она возвратилась в Москву к племянникам.

Верный сын Русской Православной Церкви, мужественный борец за ее независимость от мирских властей, талантливый воспитатель, разносторонне образованный деятель церковного просвещения — таким останется в памяти потомков профессор Московской Духовной Академии и священномученик протоиерей Илья Михайлович Громогласов.

Закончим наш очерк несколькими стихотворениями, дошедшими до его духовных чад из Сургутского дальнего края вместе с портретом ссыльного пастыря, нарисованным, вероятно, товарищем по нелегкой судьбе.

ХРИСТОС РОЖДАЕТСЯ

Христос рождается. Пред Ним
Склонись душою умиленной
И в Том, Кто ангелами чтим,
Почти Властителя Вселенной.

Христос рождается. Свой сон,
Как пастухи во тьме полночной
Прервав, иди туда, где Он
Лежит, как Агнец непорочный.

Христос рождается. К стопам
Его склонись душою мирной,
Подобно древним мудрецам,
Со златом, ладаном и смирной.

Христос рождается. Души
Смирив заботу и тревогу,
Ему воспеть ты поспеши
Хваленье «Слава в вышних Богу».

СТИХИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ КАДАШАМ

В стране суровой и глухой
Не раз с глубокою тоской
Я вспоминал далекий край -
Души моей заветный рай -
Москву священную, и там
Прекрасный, дивный Божий храм,
Богослуженья чинный ход
И многочисленный народ,
Могучий всенародный хор,
Повязки белые сестер,
Пред алтарем ряды детей, -
Весь милый облик Кадашей.

И уносясь душою вдаль,
Я умножал мою печаль
Заботой днем и в час ночной
О тех, кто разлучен со мной,
И тех, кого лишился я...
Моя духовная семья...
Куда б ни бросил злобный рок
Меня, на запад нль восток,
И где бы ни пришлось мне быть
Тебя могу ли я забыть,
Зарытый в северных снегах,

С тобой я сердцем - в Кадашах.

Да, я с тобой. И знаю я:

Мои и дети и друзья

С любовью помнят обо мне

В далекой, милой стороне.

Не разорвать сердечных уз.

Любовью спаянный союз

Лишь больше крепнет под бедой.

Пройдут суровой чередой

Дни испытанья - и в ответ

На твой призыв, на твой привет

Вернусь я снова в Кадаши.

Вот будет праздник для души!

ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫЙ ГИМН о. ДИАКОНУ В.П.Ш.
(Василию Прокопиевичу Шлюнову)²⁵

Сослужитель и друг, в день твоих именин

Ты, сердечным приветам внимая,

Тех, кто близок тебе, к ним прибавь и один

Из Сургутского дальнего края.

В этот день торжества Кадашевской семьи

Вместе с нею Владыке вселенной

Я хотел бы моления вознести и свои

О тебе, наш певец несравненный, -

И тебе пожелать, чтоб несчетные дни

Ты не ведал невзгод и печали,

Чтоб во храме святом песнопенья твои

Всем на радость немолчно звучали.

И будили сердца - чтоб во век не погас

В них священный огонь вдохновенья,

Чтобы славилось впредь так, как славно сейчас,

В Кадашах всенародное пенье.

Громче, радостней пой, дорогой соловей,

Чтоб сквозь гул непогод и метели

Из родных Кадашей звуки песни твоей

И ко мне иногда долетели.

Будь здоров, дорогой и любимый певец.

Вот тебе мое слово привета:

Да хранит тебя Бог, наш Небесный Отец,

Своей милостью - Многая Лета !

Примечания

¹ У нее были два брата: Николай, священник Георгий, отец трех дочерей: Натальи (скрипачка), Елены (драматическая актриса) и Веры (известная арфистка).

² См., например: «Культурный разлад и религиозное разномыслие. К вопросу о живучести русского раскола» («Миссионерский сборник», 1903, кн. 2, 3), «Саморазделившееся царство» («Душеполезное чтение», 1904, № № 1, 2, 4, 5).

³ В т.ч.: «Странный придаток к веротерпимости» в № 200, «Быть или не быть? (к вопросу о созыве Собора)», в № 222.

⁴ По этому поводу «Голос Москвы» (1911, № 70) заметил: *«Это новая потеря, завершающая собой целый ряд понесенных в последнее время академией утрат научных сил, производит в академической среде гнетущее настроение, которое еще более обостряется поведением ректора. Еп. Феодор, не дожидаясь даже заслушания указа Советом, спешит своей властью устранить профессора от чтения оставшихся ему в нынешнем году четырех лекций, хотя ни в событиях академической жизни, ни в тексте синодального указа, нет ничего такого, на чем могла бы быть основана подобная торопливость. Единственным объяснением... является отчасти боязнь студенческой демонстрации, якобы, возможной при его прощании с аудиторией, а, главное, мелочно-мстительное стремление лишний раз дать почувствовать свое торжество. Последнее вызывает всеобщее осуждение, особенно ввиду болезненного состояния здоровья проф. Громогласова, о чем ректору Академии не могло быть неизвестно».*

⁵ Увольнение из Мариинского училища Громогласову грозило еще осенью 1909 года, согласно рекомендациям Комиссии Учебного Комитета Синода после ревизии Академии 1908 года — оставить занятия в других уч. заведениях. Но тогда ходатайство Председательницы Совета Дамского попечительства перед Обер-прокурором С.М. Лукьяновым оставить Громогласова в Училище, где он был утвержден на должности инспектора б. императрицей Марией Федоровной 9 февр. 1909 года, возымело свое действие, несмотря на совет Моск. митрополита Владимира, к которому тогда обратился Лукьянов, — *«не нарушать прямое требование Синода...»* [ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 79, д. 78, 1 отдел, 2 стол, 1909 г.] Вероятно, что замена Лукьянова Саблером на посту Обер-прокурора повлекла за собой увольнение Громогласова из Училища.

⁶ См., например: «К вопросу о раскольниковской Белокриницкой иерархии с канонической точки зрения» — «Богословский вестник», 1905, кн. 1; «К вопросу о прекращении брака по добровольному согласию супругов ради принятия ими мона-

шества» – «Богословский вестник», 1900, кн.6; «О вторых и третьих браках в Православной Церкви» – «Богословский вестник», 1902, кн.9-11; «Новая апология раскольниковского австрийского священства» – «Православный путеводитель», 1903, кн.1, 2,5, 6; «Новая попытка решить старый вопрос о происхождении Стоглава», Рязань, 1905; «О предполагаемом издании Синодом церковных правил с толкованиями» – «Богословский вестник», 1906, кн.5; «Профессор А.Павлов. Очерк его учено-литературной деятельности» – «Археологические известия и заметки», 1909, № 1-2; Комментарий на ст. 1-60 т.Х, ч.І. Свода Законов (в изд. «Законы гражданские. Практический и теоретический комментарий под редакцией А.Вормса и В.Ельяшевича», вып.І, М., 1913; Статьи в энциклопедическом словаре Гранат и Ко, т.ХХІІІ и ХХ: Канонизация, Канон, Консистория, Кормчая и др.

⁷ От МДА сюда вошли еще Н.А.Заозерский и Н.Д.Кузнецов (см.: «Всероссийский церковно-общественный вестник», 1917, № 34).

⁸ Предсоборный Совет начал свою работу в Петрограде в составе 10 отделов 12 июня 1917 года (см.: «Всероссийский церковно-общественный вестник», 1917, № 45).

⁹ См.: «Всероссийский церковно-общественный вестник», 1917, № 68.

¹⁰ См.: «Всероссийский церковно-общественный вестник», 1917, № 157.

¹¹ Так, 21 января 1918 года в Епархиальном доме читал лекцию на тему «О второбрачии священнослужителей» («Московский церковный вестник», 1918, № 1); в ответ на распространенную им среди вдовцов-священнослужителей анкету, большинство высказались в пользу второго брака, меньшинство – против, мотивируя церковно-каноническими соображениями и интересами детей. Громогласов встал на сторону установившегося в Церкви порядка, аргументируя это тем, что в тяжелое для Церкви время пастыри не должны подавать соблазна и повода к распрям среди народа, вступая во второй брак.

¹² По воспоминаниям его сына, Николая Ермонского, бывшего синодального певчего, а впоследствии преподавателя математики, с которым автор был лично знаком по храму Ильи Обденного, где оба пели на левом клиросе в конце 60-х годов.

¹³ По словам Ермонского, о.Илью Громогласова перевели настоятелем (а м.б. просто служить?) в храм св.Николая на Берсеневской набережной. Если это и так, то очевидно, что он там служил недолго.

¹⁴ Одинцов М.И. Дело Патриарха Тихона. – Отечественные архивы, 1993, 6, с. 56

¹⁵ Напомним читателям, что и сам Святейший Патриарх Тихон после 38-дневного заключения в тюрьме был вынужден изменить свою позицию и, выпущенный уже на свободу, в своем «Воззвании» 1 июля 1923 года писал: «сознавая свою провинность перед Советской властью в ... сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей...анафематствовании Советской власти, в воззвании против Брестского мира,...в сем каемся и скорбим о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики...» [«Акты Святейшего Патриарха Тихона...», с. 286]

¹⁶ Так, в ней говорится, что Громогласов закончил (сначала) университет, в то время, как он окончил Академию. Далее следует фраза: «Читал лекции по брачному праву, и введение настоящей властью гражданского брака я считаю началом этой деятельности», которая явно содержит пропуск или искажение.

¹⁷ Возможно, здесь речь идет о неизвестном нам удалении Кузнецова из Демидовского лицея, куда он устроился в 1908 году, но в Академии его тогда еще не было.

¹⁸ Весь контекст заставляет поставить здесь слово «якобы», которое либо было пропущено стенографистом, либо Громогласов произнес эту фразу с сарказмом, и не следует понимать фразу буквально, как это сделал свящ. Владислав Цыпин в одной из своих статей о ныне причисленном к лику священномучеников протоиерее Александре Хотовицком.

¹⁹ Этим Громогласов, вероятно, хотел показать неосновательность этого судебного расследования.

²⁰ Согласно справке, полученной автором из Мин. Безопасности РФ от 14.2.1992 года за № 10 А-340,

²¹ Во время первого, майского процесса «по делу церковников» власти, видимо, подозревали Громогласова, но необоснованно, в авторстве Послания Св. Патриарха Тихона по поводу изъятия церковных ценностей.

²² На р.Обь (Ханты-Мансийский округ).

²³ По постановлению Особого Совецания от 19 мая 1925 года.

²⁴ Дело N 15785-с КГБ Тверской обл. (согласно данным иг.Дамаскина Орловского).

²⁵ Расшифровка инициалов наша – в соответствии с архивными данными, В.П.Шлюнов в этом храме служил трапезником с 1912 года, диаконом – с 1920 года, протодиаконом – с 1930 года (Родился 1.1.1881).